

Пролог

1. Явление Булгакова

Когда в 1966–1967 годах в журнале «Москва» появился роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и вызвал неслыханный читательский интерес, оказалось, что биография автора практически так же мало известна его восторженным читателям, как биография безымянного героя его романа Мастера.

Булгакова в тогдашней советской России узнали через 20 с лишним лет, после его смерти...

До этого его имя связывалось только с пьесой «Дни Турбиных», имевшей в 1926–1928 годах огромный и скандальный успех на сцене МХАТа (по решению власти, пьеса могла идти *в одном-единственном* советском театре). В 1954 году, после тринадцатилетнего перерыва, пьеса снова оказалась на сцене — не МХАТа, а театра Станиславского, — но того успеха уже не имела.

Узкому кругу читателей советского самиздата Булгаков был известен еще и как автор неопубликованной повести «Собачье сердце».

Широкому советскому читателю этот писатель, пожалуй, был неизвестен вовсе (если только в семье не было бабушки, помнившей мхатовские спектакли).

Ситуация изменилась за несколько лет — с 1962-го по 1967-й.

В 1962 году в «ЖЗЛ» вышла «Жизнь господина де Мольера» (авторское заглавие — «Мольер») — с огромными купюрами, сделанными Е. С. Булгаковой: мотив кровосмесительства для советской цензуры был неприемлем.

Через год была издана совсем тонкая книжечка в бумажном переплете — «Записки юного врача» (печатались только в специальном журнале «Медицинский работник» в 1925–1927 годах).

Затем, в 1965 году, в № 8 «Нового мира», после двухлетней борьбы главного редактора журнала А. Т. Твардовского с цензурой, появилось не законченное автором и совсем не известное сочинение под названием «Театральный роман». Это было черновое заглавие. Окончательное же заглавие — «Записки покойника» — было совершенно «непроходимым» для советской печати: покойники не могли помещать в ней своих записок. Блестящее, окрашенное неподражаемым комизмом повествование, где за главными героями угадывались неприкасаемые в позднесоветские годы «родоначальники» МХАТа Станиславский и Немирович-Данченко, пленило читателей популярного в те годы журнала.

И в том же году были опубликованы «Драмы и комедии» Булгакова. Счастливые обладатели небольшого томика могли впервые прочитать пьесы «Бег», «Кабала святош», «Иван Васильевич», так и не попавшие на сцену — ни при жизни автора, ни после его смерти.

А осенью 1966 года появился том «Избранной прозы» Булгакова. Но где именно «появился»? Купить его в советских книжных магазинах было невозможно — только «достать». Советская власть, не желая, чтобы книгу читали все желающие в нашей стране, продавала ее за валюту иностранцам — за границей в магазинах русской книги — и дома — в тогдашних магазинах «Березка»¹. Заезжие иностранцы там ее и покупали в подарок советским знакомым — или привозили ее нам из-за границы. В этом томе впервые после 1925 года и в полном объеме² был напечатан роман «Белая гвардия». Сюда вошли также «Театральный роман» (под журнальным названием), роман о Мольере (без купюр) и «Записки юного врача».

Но никакие симпатии, возбужденные всеми этими сочинениями, не сравнимы с тем, что произошло с читателями первой части романа «Мастер и Маргарита» поздней осенью 1966 года. Перед ними неожиданно возникло совершенно необычное сочинение, резко выбивавшееся из советского литературного контекста.

«Мастер и Маргарита» показался нам всем явившимся из какой-то иной, несветской реальности. Достаточно было дискуссии между персонажами о бытии Божьем — в первой же главе! К тому же сам автор явно не сомневался в существовании Высшего Промысла... Ничего подобного в советской печати невозможно было себе представить.

К тому же быстро выяснилась биографическая подробность, которая шла вразрез с легальным, официальным представлением о жизни и творчестве советского писателя: рукопись пленительного романа пролежала в столе автора четверть века после его смерти — как и рукопись романа о Мольере и неоконченные «Записки покойника»!..

То есть писатель, живший в советской стране, создавал замечательные произведения, а их почему-то не печатали — четверть века и того более! Не упоминаемое в советском публичном пространстве слово «цензура» материализовалось. Цензурные запреты стали очевидными.

Однако советская власть все-таки дотянулась до текста писателя, вырвавшегося из-под ее контроля и чудом проникшего в советскую печать. Роман вышел в свет с большими сокращениями³ — стараниями цензуры, а также личными усилиями члена редколлегии журнала «Москва» Б. Евгеньева⁴.

После выхода обеих журнальных книжек Елена Сергеевна добросовестно, с большой точностью перепечатала все выброшенные фрагменты текста, указала их места на журнальной странице и стала раздавать эти машинописные страницы поклонникам Булгакова. Иными словами — пустила в самиздат. И сегодня еще можно встретить в некоторых российских домах пухлые журнальные книжки «Москвы» с аккуратно вклеенными купюрами...

2. «Русский писатель не может жить без родины...» (Официозный камертон биографии Булгакова)

Незадолго до выхода романа был сделан первый печатный шаг к знакомству советского читателя с неведомой ему биографией Булгакова. Официозным камертоном для последующих биографов стала одна журнальная публикация 1966 года⁵.

Автор публикации, С. Ляндрес, был самым деятельным членом Комиссии по литературному наследию Булгакова и с недавних пор — очень близким другом Е. С. Булгаковой.

Эту публикацию смело можно назвать памятником эпохи «раннего Брежнева»: по ней можно изучать ту эпоху. Когда сопоставляешь препарированные в ней документы с их полными текстами — становится отчетливо ясно, как осознанная, продиктованная условиями времени фальсификация биографии Булгакова опережала и тормозила реальное воссоздание этой биографии.

Публикация готовила вхождение в советский контекст конца 1960-х годов романа, полностью, повторим, выпадающего из этого контекста⁶. Автор публикации — несомненно, в тесном контакте с Е. С. Булгаковой — сочинял текст, который *устроил бы всех*.

Во-первых, за полтора месяца до публикации романа «Мастер и Маргарита» *ни словом не упоминалось* о существовании такого романа в творческом наследии писателя.

Во-вторых, в изобилии давались, так сказать, «основополагающие» (если воспользоваться советизмом) формулировки, на которые должны

были в дальнейшем ориентироваться пишущие о Булгакове: «Всякое пришлось испытать и М. Булгакову. Однако это никак не повлияло на его позицию, на отношение к Советскому государству и строю, — он считал, что художник обязан быть *во всех случаях* прежде всего гражданином»⁷. Эти слова не имели отношения к реальному самоощущению Булгакова. Это видно и по его дневнику 1920-х годов (тогда еще неизвестному), имеющему авторское название «Под пятой» (!), и по «Письму правительству СССР» 1930 года — с настоятельной просьбой «отпустить *на свободу*». Вряд ли эти слова говорят нам о желании оставаться гражданином *несвободной* страны. Но неперенное приписывание гонимым авторам мазохистского комплекса давно было частью официозной догмы.

О советской обработке биографии Булгакова свидетельствуют несколько опубликованных фрагментов из писем к жившему в Париже брату Николаю и ответных. Булгаков просит брата вести его дела, связанные с переводом на французский язык пьесы «Зойкина квартира», и проследить за тем, чтобы были внесены его замечания по тексту.

Советский читатель, не имея тогда возможности обратиться *ни к какой* биографии писателя, не представлял, почему и каким образом младший брат писателя (на самом деле — *оба* его младших брата) оказался в Париже, — поскольку решительно ничего не знал о том, какое отношение имели Булгаков и его брат к Белой армии; не узнавал он этого ни от С. Ляндреса, ни от автора предисловия к «Избранной прозе» Булгакова, вышедшей почти одновременно с журнальной книжкой. Там В. Лакшин кратко писал о «большой дружной семье профессора Киевской духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова», сообщал, что будущий писатель был в ней старшим сыном, и резюмировал: «Детство четверых сестер и троих братьев было счастливым, беспечальным»⁸. Но о том, куда они все подевались в годы революции и Гражданской войны, упомянуто не было — и, конечно, не по беспечности автора предисловия: так было принято дозировать информацию о писателе, и без того внесшем огромную сумятицу в умы советских людей.

Фрагменты писем создавали ложно-благополучное впечатление: все нормально, пьесы Булгакова идут в Европе, он спокойно переписывается с братом, который сообщает, что все поправки внесены...

В публикации впервые в советской печати упоминается письмо Булгакова к правительству. Первой из цитируемых его строк была такая: «Мой литературный портрет закончен, и он же есть политический портрет».

Неискушенный читатель мог только изумиться — как закончен? Ведь обрисовка этого портрета в пределах данной публикации и не начиналась!.. Ни слова из той, пожалуй, в те годы единственной по резкости противостояния официальному идеологическому стандарту характеристики личной политической позиции, которая была дана в письме Булгакова: «...яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции...»

Письмо правительству СССР — яркий и редкий образец непечатаемой публицистики советского времени — оставалось неизвестным отечественному читателю вплоть до Перестройки. Ни слова о сформулированном в письме трагическом итоге десятилетней литературной деятельности писателя — после запрета на постановки всех его пьес («Ныне я уничтожен» и т. д.), а также о выраженном в нескольких вариантах настойчивом желании «в срочном порядке покинуть пределы СССР».

В статье же Ляндреса, безо всякого упоминания об отъезде за границу, излагалась просьба Булгакова назначить его на любую должность в МХАТ. То есть та самая просьба, которая в неопубликованной части письма предварялась следующими жесткими словами: «Если же и то, что я написал, неубедительно и *меня обрекут на пожизненное молчание в СССР* (курсив наш. — М. Ч.), я прошу Советское правительство дать мне работу по специальности и командировать меня в театр...»

«...Мы не можем не видеть, — обобщал С. Ляндрес содержание умело скомпонованных им фрагментов письма, — стремления служить родине».

Далее цитировался, со слов Булгакова (зафиксированных в дневнике Е. С. Булгаковой 26 лет спустя), телефонный разговор с ним Сталина:

«— ...А может быть, правда, пустить вас за границу? Что, мы вам очень надоели?»

И впервые приводилась ответная реплика Булгакова, многозначительно вынесенная в заголовок всей публикации:

«— Я очень много думал в последнее время, может ли русский писатель жить вне Родины, и мне кажется, что не может».

Далее следовало резюме публикатора: «„Русский писатель не может жить без Родины“ — так раз и навсегда определил свою гражданскую и творческую позицию М. Булгаков. Его творчество было *сложно и противоречиво*».

Два слова, выделенные нами курсивом, в ту эпоху давно перешли в разряд шаблонных определений, которые навязывались разветвленной

советской редакторско-цензурной структурой всем писавшим о творчестве «неудобных» для власти писателей.

Идейно-стилистические, можно сказать, требования (помимо чисто идеологических) предъявлялись к любому печатному тексту о Булгакове. Выбиться из-под них было трудно. Подчиниться же — для кого-то, во всяком случае для автора данной книги, — внутренне невозможно.

3. Е. С. Булгакова

...Когда я начинала обрабатывать архив Булгакова, проданный Еленой Сергеевной Булгаковой во второй половине 1960-х годов Отделу рукописей Государственной библиотеки им. Ленина (ныне РГБ — Российская государственная библиотека; я была тогда старшим научным сотрудником Отдела рукописей), о биографии Булгакова мне было известно немного. Родился в Киеве, в семье преподавателя Духовной академии; учился на медицинском факультете Киевского университета; был земским врачом в глухом углу Смоленской губернии; каким-то образом попал на Северный Кавказ; потом поздней осенью 1921 года приехал в Москву. То, что первым его жилищем в Москве была коммунальная квартира в доме № 10 по Большой Садовой — в центре Москвы, — тогда и знать никто не знал...

В те годы живы были все три жены Булгакова, а также его сестры Вера и Надежда. Все они молчали о хорошо известных им важнейших фактах биографии писателя, относящихся к 1917–1921 годам. Молчание всех посвященных было прямо мотивировано условиями советского времени. Издательства решались публиковать только и исключительно писателя с «хорошей» биографией — того, кто заслужил это право своим лояльным отношением к советской власти на всех ее этапах и, уж во всяком случае, никогда не находился в рядах тех, кто поднимал против нее оружие.

28 октября 1968 года я познакомилась с Е. С. Булгаковой.

В ту первую нашу долгую беседу в ее квартире на Никитском (тогда Суворовском) бульваре она рассказывала о том, как они с Булгаковым встретились и полюбили друг друга, каким образом возникла тетрадка, озаглавленная «Тайному Другу», и о многом другом.

Я задала ей вопрос о двух тетрадках странного вида — с вырванными наполовину или на две трети листами. Она ответила: «Это ранние редакции „Мастера“». И стала рассказывать, как Булгаков диктовал ей на машинку письмо правительству; он видел в нем последний шаг перед возможным самоубийством — в том случае, если на письмо не ответит никто из семи адресатов.

«Продиктовав строки „я сжег свой роман...“ (или, как в тексте письма, „я бросил в печь“ — М. Ч.), он остановился и сказал: „Ну, раз это уже написано — это должно быть и сделано“. В комнате пылала большая круглая печка. Он стал тут же выдирать страницы и бросать их в печь» (наша запись, сделанная по памяти тем же вечером).

Отвечая на мой вопрос о странном виде тетрадок, Е. С. пояснила, что тогда же спросила Булгакова: почему он не сжигает все, оставляет часть страниц у корешка?.. Он ответил: «Но если я сожгу все — мне никто не поверит, что роман был».

Этот устный рассказ — единственный источник сведений об истории двух тетрадей (сохранилось еще несколько отдельных обрывков из третьей тетради). Мне казалось важным зафиксировать его в печати. Сделать это в советское время было почти невозможно. Подобно тому как советский журнал не мог печатать сочинение под названием «Записки покойника», так у советского писателя не могло быть причин сжигать свои рукописи... Я писала, что сожжение было литературным жестом: Булгаков «танцевал от печки Гоголя», передавая впоследствии этот важный для него жест своему герою Мастеру. Из-за этого издательство выкидывало мою статью «Булгаков и Гоголь», целиком, из посвященного Гоголю сборника, ощущая ее «опасность»; я впихивала ее обратно, имитируя сокращение.

Во время первой встречи с вдовой Булгакова мне уяснились несколько вещей. Во-первых, она может рассказать очень много никому не известного. Во-вторых, какую-то часть биографии писателя и своей она не расскажет *никогда*. В-третьих, очевидно, что она прикладывает немало усилий к выстраиванию собственной *легенды* о Булгакове — на том месте в общественном сознании, которое пока еще пустовало.

В этой легенде учитывался в какой-то степени взгляд самого писателя на свою биографию, его обостренное — даже во время смертельной болезни — отношение к возможному появлению *бытового* (то есть обывочленного) ее варианта. Именно такое отношение зафиксировано Н. А. Земской, сестрой Булгакова, осенью 1939 года: «Мое замечание о том, что я хочу писать воспоминания о семье. Он недоволен. „Неинтересно читать, что вот приехал в гости дядя и игрушек привез... Надо уметь написать. Надо писать человеку, знающему журнальный стиль и законы журналистики, законы создания произведения“⁹. Под «журналистикой» подразумевается ни в коем случае не советская — скорее то, что выходило в свое время из-под пера журналистов «Русского слова», высоко им ценимых. За этими опасениями проступает, на наш взгляд, надежда на будущую легенду о себе — нечто близкое к истории Мастера.

И действительно, легенда, строившаяся Е. С. Булгаковой исподволь, безо всяких деклараций, главным образом в частных беседах с многочисленными после публикации «Мастера и Маргариты» визитерами, приближалась к истории Мастера в романе. В то же время легенда в немногих точках соприкасалась с официальной версией биографии Булгакова — той, которая формировалась с косвенной помощью Е. С. (с единственной целью — *издать* Булгакова в специфических советских условиях). Эта версия призвана была утвердить некую не противоречащую советской догматике квазиисторико-литературную оценку творчества писателя, «закатный» роман которого полностью противоречил и социальному, и литературному контексту второй половины 1960-х годов. Задача, сильно напоминающая квадратуру круга.

С конца октября 1969 года, в течение почти полутора месяцев ежедневно (за редкими исключениями), с 11 до 22:30 — 23 часов я проводила время в квартире Е. С., помогая ей разбирать оставшуюся часть архива. Очень живой, общительный человек, увлеченный задачей передать людям свое представление о человеке, с которым связала ее судьба, разбору бумаг она явно предпочитала наши беседы — вернее, свои рассказы о Булгакове, об их совместной жизни, друзьях, родных и знакомых. Я понимала необходимость фиксации бесценных сведений. О том, чтобы обзавестись магнитофоном и включить его, не могло быть и речи: ее поколение имело полную идиосинкразию к этому техническому устройству (да у меня, надо сказать, и не было магнитофона). Я делала заметки по ходу разговоров и, благодаря хорошей так называемой «короткой памяти» (позволяющей в течение суток дословно помнить сказанное), приехав в первом часу ночи домой, всякий раз часа полтора-два записывала услышанное.

Это были, собственно говоря, первые шаги к будущему жизнеописанию писателя.

Именно Е. С. пролагала начальные пути для воссоздания биографии Булгакова — В. Лакшину, с которым в процессе печатания в «Новом мире» «Записок покойника» у нее установились очень теплые отношения, Л. М. Яновской, А. М. Смелянскому и в 1968–1970 годах — мне.

В ее рассказах прояснялись главным образом обстоятельства последнего десятилетия его жизни: 1930–1940 годы. Годы Гражданской войны не упоминались.

В архиве Булгакова — и в той его части, что была передана Е. С. еще в 1958 году в Пушкинский Дом, и в основной его части, принятой на вечное хранение Отделом рукописей ГБЛ, — время до конца 1920-х годов было почти не задокументировано. Поиски в других архивах были малоэффективны, хотя кое-что найти удавалось. Глав-

ным источником биографии писателя были встречи со знавшими его людьми. При ежедневном восьмичасовом рабочем дне и семейных обязанностях не так легко получалось встретиться с большим числом людей. А торопиться по понятным причинам было необходимо.

Мало зная круг его знакомых периода жизни на Большой Садовой, вдова писателя зато очень хорошо знала всех «пречистенцев» (собственно говоря, Е. С. и пояснила мне феномен «Пречистенки», сформированный Булгаковым) и, конечно, мхатовцев — не только потому, что ее сестра О. С. Бокшанская была секретарем Немировича-Данченко, но и по личным с ним (да и другими людьми МХАТа) связям. С теплотой говорила о первой жене писателя Татьяне Николаевне; рассказывая малоприятные вещи о второй жене — Любви Евгеньевне Белозерской, — советовала мне, однако, непременно к ней пойти, снабдила телефоном. Рассказывала о неожиданном визите дочери Листовниченко Инны Васильевны — именно от нее Е. С. узнала о несчастной судьбе прототипа Василисы в «Белой гвардии».

4. Сталин — «покровитель» Булгакова

Булгаков, напомним, *практически не существовал* в официальной (другой в СССР не было) истории советской литературы. О нем можно было разыскать лишь оголтелую журнальную ругань конца 1920-х годов. Добросовестной биографии также не существовало. Но свято место пусто не бывает — конъюнктурная «советская» биография писателя понемногу создавалась.

Отсутствие доброкачественного биографического материала, незнакомство со всем наследием Булгакова, а также понятное желание «протолкнуть» сами тексты Булгакова через советские заслоны приводило булгаковедов (и это в лучшем случае!..) к тщательному затушевыванию подозрительных мест и белых пятен биографии при помощи изощренно-туманной метафорички: «И мне не кажется случайностью, что вчерашний „лекарь с отличием“, не имевший как будто основания жаловаться на свою профессию, вдруг, будто ни с того ни с сего, бросил частную практику в Киеве, сел в поезд и покатил невесть куда через измученную войной и голодом страну...»¹⁰

С 1969-го открылась особая ветвь булгаковедения — противостоящая и умеренно-либеральной, бегло очерченной нами, и даже не сложившейся во что-то определенное официозной.

Несколько литераторов, осторожно прокладывая особое национал-сталинистское идеологическое русло, поставили себе задачей доказать,

что Сталин всей душой готов был помочь талантливому русскому писателю, но не мог справиться с противодействием критиков-евреев. Это не объявлялось, разумеется, прямо, но читатель сам должен был прийти к этой мысли, прочитав в небольшой статье, как часто Сталин ходил смотреть «Дни Турбиных», а затем ознакомившись с длинным списком еврейских фамилий критиков — яростных врагов Булгакова. В. Петелин писал в тогдашнем сверхофициозном (в отличие от «перестроечного») журнале «Огонек»: «Сейчас настало время трезвого, объективного анализа творческого портрета Михаила Булгакова...» «Объективный» же анализ давал следующую историко-литературную и историко-общественную картину: «Авербах, Гроссман-Роцин, Мустангова, Блюм, Нусинов и многие другие планомерно и сознательно травили Булгакова. (...) И писатель вынужден был обратиться с письмом в правительство». Цитировался телефонный разговор со Сталиным, после чего резюмировалось:

«Этот телефонный звонок вернул Булгакова к творческой жизни.

Булгаков стал заниматься любимым делом, служил во МХАТе режиссером-ассистентом, заново писал роман „Мастер и Маргарита“, рукопись которого сжег в минуту отчаяния, работал над „Театральным романом“.

Когда Сталин приезжал смотреть „Дни Турбиных“ (в Музее МХАТа запротоколировано 15 посещений Сталиным этого спектакля), он всегда спрашивал: „А как Булгаков? Что делает? Очень талантливый человек...“»

Не говоря уже про хармсовское звучание последнего абзаца («Пушкин очень любил Жуковского и звал его просто Жуковым»), нестерпимым лицемерием окрашены слова о возвращении «к творческой жизни» писателя, ни строки которого с того телефонного разговора и до самой смерти не напечатали, о занятиях блестящего драматурга «любимым делом» — в качестве режиссера-ассистента МХАТа и автора инсценировки...

Классическим в своем роде образцом квазибиографической работы стал финальный пассаж из той же статьи:

«За рубежом, да и у нас в некоторых кругах распространяется мнение, будто Булгакова „репрессировали“, а потом „реабилитировали“, некоторые даже называют точную дату „реабилитации“ — 1962 год. Ничего не может быть вздорнее подобных утверждений. В 30-е годы шли его пьесы „Дни Турбиных“ и „Мертвые души“ (по Гоголю), весной 1941 года (напомним, что автор умер в марте 1940-го. — М. Ч.) состоялись две премьеры „Дон Кихота“ (по Сервантесу), с 1943 года

шла его драма „Пушкин“, в 1957 году поставили „Бег“. Над романом „Мастер и Маргарита“ он работал до конца своих дней, а „Театральный роман“ так и остался незаконченным. М. А. Булгаков умер в 1940 году, похоронен на Новодевичьем кладбище»¹¹.

Последняя фраза в особенности, по-видимому, должна была убедить читателя, что для Булгакова все кончилось хорошо.

...Елена Сергеевна старалась, чтоб посетители не сталкивались в ее доме, — она любила общение один на один. Так столкнулись однажды и мы с В. Петелиным, выпускником одного со мной филфака. Ходили слухи, что он, намеревается выпустить собрание сочинений Булгакова в «Библиотеке „Огонька“» — книжным приложением к журналу. Пока Е. С. варила на кухне кофе, я успела сказать ему колкость (именно в связи с его статьей о Сталине — покровителе Булгакова). Когда она вернулась — мы оба не подали и виду о напряженности в наших отношениях. Но на другой день Е. С. спросила меня (далее цитирую свой дневник, поскольку уверена в важности этой записи):

«— Быть может, мой вопрос бестактный. Вы не любите Петелина?»

— Да, не люблю. Простите, если я вела себя невоспитанно.

— Наоборот, вы показались мне прекрасно воспитанной. Он был вам неприятен, я видела, а вы так выдержанно вели себя. Знаете, он ведь мне тоже неприятен. Но когда умер Миша, я думала — если б кто предложил мне издать его вещи и чтоб я расплатилась своим телом — я б согласилась» (запись от 6 ноября 1969 года).

5. Большая Садовая. Пречистенский круг. Родные и близкие

Мои встречи с обозначенным Еленой Сергеевной приятельским кругом Булгакова начались в ту же осень 1969 года, после завершения ежедневных встреч с нею самой (которые не оставляли времени для иных встреч).

Важным было знакомство и многочисленные последующие беседы с киносценаристом С. А. Ермолинским, ставшим после возвращения из лагеря близким другом Е. С. Булгаковой. Его воспоминания, напечатанные в журнале «Театр» (1966, № 9) в том же году и том же месяце, что и сочинение С. Ляндреса, дали фигуре Булгакова совершенно новое измерение, придали иной масштаб.

Мне же необходимо было прежде всего восстановить контекст первых московских лет — жизнь в «квартире № 50», служба в Лито и затем в «Гудке». По «Запискам на манжетах» удалось восстановить два

реальных прототипа персонажей — Г. П. Шторма (встретилась и записала его воспоминания) и поэта И. Старцева, ставшего известным библиографом (говорила с его родными)... Ю. Слезкин, Д. Стонов, В. Катаев, Ю. Олеша, Ильф и Петров, С. Ауслендер, П. Зайцев, члены кружка «Зеленая лампа»... Я разыскивала их родных, их письма в архивах, встречалась с В. Коморским (прототипом одного из ранних рассказов). Беседы с В. Катаевым (через год он весело сообщил мне, что я так активизировала его воспоминания о том времени, что он написал «Алмазный мой венец») прояснили очень многое. Детали взаимоотношений Булгакова с его главными издателями — Н. С. Ангарским (альманах «Недра») и И. Лежневым (журнал «Россия») — стали известны благодаря встречам с дочерью Ангарского и племянником жены Лежнева.

С 1925 года в окружении Булгакова — «дети старой Москвы», как они сами себя называли (жители Остоженки и Пречистенки), и люди театра.

26 ноября 1969 года я впервые встретилась с Натальей Казимировной Шапошниковой (поразившей и очаровавшей меня своим ясным и острым умом) и милой Марикой Артемьевной Чимишкиан (первой женой С. А. Ермолинского) — в двух крохотных комнатах Левшинского переулка. Там Наталья Казимировна прожила 40 лет, переехав в комнату для прислуги, когда осенью 1929-го забрали ее мужа, профессора ГАХНа Бориса Валентиновича Шапошникова. В том же доме, где они жили, на втором этаже помещалась разогнанная в 1929 году ГАХН (оттуда Шапошников спускался к себе на первый этаж обедать) — Государственная академия художественных наук, многие преподаватели которой были близкими знакомыми Булгакова «пречистенского» периода его жизни.

От Н. К. Шапошниковой я немало узнала о С. С. Заяицком (как и о Наталье Венкстерн и многих других знакомых Булгакова тех лет). «Это был маленький горбатый человек, — рассказывала она, — в боку у него был незаживающий свищ от костного туберкулеза, но более жизнерадостного человека я не знаю». (Впоследствии я познакомилась с сыном писателя и невесткой, получила от них немало материалов — это еще один немаловажный шаг к расширению биографического контекста.)

Встречи с М. А. Чимишкиан продолжались в течение двадцати лет и всегда прибавляли новые штрихи к биографии Булгакова и к фону его московской жизни (например, о его отношении к Маяковскому хорошенькая Марика, дружившая с обоими, знала лучше других). Как

и встречи с женой Н. Н. Лямина — художницей Натальей Абрамовной Ушаковой: начались они 2 марта 1970 года, в доме № 12 по Савельевскому переулку, где не раз бывал Булгаков, он даже описал эту квартиру в «Мастере и Маргарите». По словам Натальи Абрамовны, в начале 1924 года Заяицкий позвал их с мужем слушать авторское чтение неопубликованного романа «Белая гвардия» («Заяицкие жили в Ваганьковском, — пояснила она, — у самого угла на Знаменку»). Там все «пречистенцы» и познакомились с Булгаковым. Продолжение романа он читал уже у Ляминах.

Беседы с очень многими людьми из московского окружения Булгакова (думаю, 70–80 человек; помимо уже упомянутых — М. В. Вахтерева, С. В. Шервинский, Б. В. Горнунг, Л. В. Горнунг, М. Г. Нестеренко, а также дети и племянники А. Г. Габричевского, Б. В. Шапошникова, С. С. Заяицкого, В. М. Авилова и многих других) помогали мне воссоздавать детали биографии писателя 1924–1931 годов. Но встречи с ними, а также с первой женой Булгакова Татьяной Николаевной происходили главным образом *после* публикации в 1976 году обзора архива Булгакова — первого наброска биографии писателя, и давали материал уже для будущего «Жизнеописания...».

Вернусь к концу 1960-х — началу 1970-х.

4 декабря 1969 года я познакомилась с Л. Е. Белозерской; 11 февраля 1970 года впервые разговаривала по телефону с одной из двух московских племянниц Булгакова — Варварой Михайловной Светлаевой, дочерью любимой младшей сестры Булгакова Елены (Лёли). (Я знала, что именно Елена Афанасьевна ухаживала за Булгаковым во время смертельной болезни.) В разговоре она назвала среди прочих двоюродную сестру, живущую в Новосибирске, — Ирину Леонидовну Карум, дочь сестры Булгакова Варвары. В. М. Светлаева была уверена, что «никаких материалов» у той нет. Но это оказалось не так. Спустя двадцать лет (уже после выхода в свет «Жизнеописания...») я получила от Ирины Леонидовны по почте (!) для ознакомления неопубликованные воспоминания ее отца Л. С. Карума, содержащие богатый материал о жизни семьи Булгаковых и самого Булгакова в 1910–1920-е годы¹².

Весьма много дали беседы поздней осени 1969 года с сестрой писателя Надеждой Афанасьевной Земской (1893–1971) — о детстве и о первых московских годах. Сохраненные ею письма брата к ней, а также два письма к кузену К. П. Булгакову оказались поистине бесценными источниками биографии Булгакова начала 1920-х годов¹³. Бесценными, но недостаточными — хотя бы потому, что несколько

писем были переданы не в оригиналах, а в машинописных копиях с купюрами: близкие (Н. А. Земская и ее дочь, доктор филологических наук Е. А. Земская) явно не хотели мешать изданиям Булгакова, открывая страницы его нелояльной биографии.

*6. Булгаков: российская монархия
и две революции 1917 года*

Купированы были (как выяснилось позже) — и оставались неизвестными до конца Перестройки, — в частности, ключевые для понимания ранней духовной зрелости Булгакова фрагменты в письме от 31 декабря 1917 года:

«Настоящее таково, что я стараюсь жить, не замечая его... не видеть, не слышать!

Недавно в поездке в Москву и Саратов мне пришлось все видеть воочию, и больше я не хотел бы видеть.

Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной руганью бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. (...) видел газетные листки, где пишут, в сущности, об одном: о крови, которая летит и на юге, и на западе, и на востоке, и о тюрьмах. Все воочию видел и *понял окончательно, что произошло*» (курсив наш. — М. Ч.).

Среди его современников тех, кто *понял* это, как он, сразу после Октября, еще до разгона большевиками Учредительного собрания в январе 1918 года, можно было бы пересчитать на пальцах.

Умонастроение Булгакова тех лет прочитывалось и в романе «Белая гвардия». Политические воззрения любимого героя Булгакова — несомненно, близкого ему по взглядам Алексея Турбина — описываются в романе всего несколькими фразами, но весьма значимыми: Турбин, «постаревший и мрачный с 25 октября 1917 года»; его реплика в разговоре с полковником Малышевым: «Я (...) к сожалению, не социалист, а ...монархист». Однако исследователи Булгакова еще много лет упорно продолжали твердить: «Важно отметить, что монархизм героев не автобиографичен. К семье Булгаковых все это никакого отношения не имеет»¹⁴, не понимая или делая вид, что не понимают, что к одному-то члену семьи монархизм, во всяком случае, имел прямое отношение. Легендарная реплика Ильфа в компании сотрудников газеты «Гудок» — «Что вы хотите от Миши? Он только-только смирился с отменой крепостного права, а вы хотите, чтобы он принял советскую власть!» — была много ближе к правде, чем, возможно, казалось самому автору шутки.

Для меня это «открытие» было очень важным. Потому что монархизм не был только системой политических взглядов Булгакова (материала для построения этой системы и сегодня немного) — он был частью его художественного мира. Мир «Записок юного врача» выстроен не по горизонтали демократического мироустройства, а по вертикали монархического. Наверху — дипломированный врач. Ниже — акушерки и фельдшеры: они подчиняются ему как врачу с дипломом, радуются его первым практическим успехам («А вы, доктор, хорошо сделали поворот, уверенно так»); он руководит, уважая при этом их практический опыт, считаясь с их советами. Следующий, еще более нижний уровень — работающие при больнице сторож, кучер и т. д. Еще ниже — *народ*, та «тьма египетская», которой трудно объяснить, почему и как именно надо принимать медикаменты... Они *обязаны* подчиняться дипломированному врачу беспрекословно, он же, относясь к ним трезво, как и сам Булгаков¹⁵, обязан только их лечить и просвещать. В этом — пафос его жизни.

Система монархического умозрения очевидна и в романе «Мольер». И мы, напечатав в свое время в «Русской мысли» письмо А. Н. Тихонова с отказом в публикации «Мольера», подробно анализировали глубоко запрятанный в подтексте письма ужас старого *социалиста* перед представленной ему рукописью убежденного *монархиста* — совершенно экзотической фигуры для слоя советских литераторов 1920–1930-х годов¹⁶. Не только официоз противился признанию этого факта — подспудное сопротивление ему российской либеральной среды ощущалось долгие годы.

Много позже моя уверенность подтвердилась: во-первых, Е. Б. Букреев, встреча с которым была крайне важной для понимания *духовной* биографии Булгакова, рассказал мне об умонастроении Булгакова-гимназиста; во-вторых, в 1987 году я увидела первую публикацию Булгакова в «добровольческой» газете осени 1919 года, где шла речь о «безумстве дней мартовских» 1917 года. Так что монархизм героев «Белой гвардии» оказался все-таки «автобиографичен».

7. Печатный обзор архива Булгакова: 1976 год

В 1971 году, заканчивая обработку архива писателя, составившего 69 архивных «картонов», я приступила к подготовке обзорной статьи — непременно завершающей части обработки новопоступившего архива. Обзор предназначался для ежегодника «Записки Отдела рукописей». Это был достаточно строгий жанр, имевший главной

Содержание

Пролог	5

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Предисловие автора	25
Глава первая <i>Киевские годы: семья; гимназия и университет. Война.</i> <i>Медицина. Революция</i>	31
Глава вторая <i>Первые московские годы</i>	162
Глава третья <i>Театральное пятилетие (1925–1929)</i>	327
Глава четвертая <i>Годы кризиса (1929–1931)</i>	411
Глава пятая <i>Возвращение к роману. Новые пьесы и надежды (1932–1935)</i>	497
Глава шестая <i>Новый крах. «Что ж, либретто так либретто!»</i>	579
Глава седьмая <i>«Последний закатный роман». Последняя пьеса. (1938–1940)</i>	616
Благодарности	656

ПРИЛОЖЕНИЕ

Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»	659
Осведомители в доме Булгакова в середине 1930-х годов	693
Примечания	756
От публикатора	810
Указатель имен	812

Литературно-художественное издание

МАРИЭТТА ОМАРОВНА ЧУДАКОВА
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валерий Камендо, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать 21.03.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 52,92 (вкл. вклейку).
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака КоЛибри®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-APR-30998-01-R